

Вестник Томского государственного
архитектурно-строительного университета.
2026. Т. 28. № 3. С. 57–72.

ISSN 1607-1859 (для печатной версии)
ISSN 2310-0044 (для электронной версии)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo
arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta –
Journal of Construction and Architecture.
2026; 28 (3): 57–72.

Print ISSN 1607-1859
Online ISSN 2310-0044

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 711.4(571.1)"16/19"

<https://doi.org/10.31675/1607-1859-2026-28-3-57-72>

EDN: CBPVVO

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ В ПРИБРЕЖНОЙ ПОЛОСЕ ОБЬ-ЕНИСЕЙСКОГО ВОДНОГО ПУТИ (ОБЬ-ИРТЫШСКИЙ БАССЕЙН, КОНЕЦ XVII – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Ольга Геннадьевна Литвинова

*Томский государственный архитектурно-строительный университет,
г. Томск, Россия*

Аннотация. *Актуальность.* Изучение исторических систем расселения имеет ключевое значение для понимания современных процессов освоения территорий и градостроительного планирования, особенно в регионах со сложной ландшафтной структурой, таких как Западная Сибирь.

Целью исследования является реконструкция и анализ эволюции системы расселения в Обь-Иртышском бассейне на участке от г. Тюмени до с. Нарыма с конца XVII по начало XX в. Территориальные границы исследования привязаны к прибрежным территориям Обь-Енисейского водного пути, как к основополагающему транзитному транспортному каркасу освоения Сибири, который сформировался в конце XVII в.

Методология основана на компаративном анализе и геоинформационной привязке четырех групп исторических источников: карт С.У. Ремезова (Хорографическая чертежная книга, 1697–1711), путевых описаний Г.Ф. Миллера (1730–1740-е гг.), материалов Генерального межевания (к. XVIII – н. XIX в.) и карт Министерства путей сообщения (к. XIX – н. XX в.).

В результате исследования реконструированы количественные и типологические характеристики поселенческой сети на четыре хронологических среза. Выявлено, что общее количество фиксируемых поселений снизилось с 561 (по данным С.У. Ремезова) до 332 (к концу XIX в.), что отражает не столько депопуляцию, сколько качественную перестройку системы. Установлено, что доля русских поселений колебалась в пределах 55–65 %, а доля поселений коренных народов – 35–45 %, демонстрируя устойчивый этнический баланс.

Прослежена эволюция иерархии поселений: соотношение «село:деревня» (на одно село числа деревень) изменилось с 1:43 в начале XVIII в. до 1:3 в конце XIX в., что свидетельствует о формировании более зрелой двухуровневой структуры расселения. За два столетия система расселения прошла путь от первичного, «точечного» освоения, зафиксированного в дробных данных С.У. Ремезова, к созданию устойчивой, иерархически организованной структуры, юридически оформленной в ходе Генерального межевания и привязанной к воднотранспортной инфраструктуре к концу XIX в.

Ключевые слова: градостроительная ретроспектива, система расселения, историческая картография, Обь-Иртышский бассейн, С.У. Ремезов, Г.Ф. Миллер, Генеральное межевание, ГИС-технологии

Для цитирования: Литвинова, О.Г. Эволюция системы расселения в прибрежной полосе Обь-Енисейского водного пути (Обь-Иртышский бассейн, ко-

нец XVII – начало XX века) // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2026. Т. 28. № 3. С. 57–72. <https://doi.org/10.31675/1607-1859-2026-28-3-57-72>. EDN: CBPVVO

ORIGINAL ARTICLE

EVOLUTION OF SETTLEMENT ALONG THE COASTAL STRIP OF THE OB-ENISEY WATERWAY IN OB-IRTYSH BASIN LATE IN THE 17th AND EARLY 20th CENTURIES

Olga G. Litvinova

Tomsk State University of Architecture and Building, Tomsk, Russia

Abstract. Purpose: The aim of this work is to reconstruct and analyze the evolution of settlement in the Ob-Irtysh basin late in the 17th and early 20th centuries.

Design/methodology/approach: The methodology is based on a comparative analysis and geoinformation referencing of four groups of historical sources: maps by S.U. Remezov (1697–1711), travel descriptions by G.F. Miller (1730s–1740s), ordnance survey documents (late 18th – early 19th centuries), and maps of the Ministry of Transport (late 19th – early 20th centuries).

Research findings: Quantitative and typological characteristics of the settlement network for four chronological periods are reconstructed. According to Remezov, the total number of recorded settlements decreases from 561 to 332 (by the end of the 19th century), reflecting a qualitative restructuring, rather than depopulation. The proportion of Russian settlements fluctuates between 55 and 65 %, and that of indigenous settlements between 35 and 45%, demonstrating a stable ethnic balance. The evolution of hierarchy is traced through the village (selo): hamlet (derevnya) ratio, which changes from 1:43 at the beginning of the 18th century to 1:3 at the end of the 19th century, indicating the formation of a mature two-level settlement structure.

Originality/value: Over two centuries, the settlement system evolved from the primary, point-based development, recorded in Remezov's fractional data, to the creation of a stable, hierarchically organized structure, legally formalized during the ordnance survey and rigidly tied to the water transport infrastructure by the end of the 19th century.

Keywords: urban planning retrospective, settlement system, historical cartography, Ob-Irtysh basin, S.U. Remezov, G.F. Miller, ordnance survey, GIS technologies

For citation: Litvinova, O.G. Evolution of Settlement along the Coastal Strip of the Ob-Enisey Waterway in Ob-Irtysh Basin Late in the 17th and Early 20th Centuries. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta – Journal of Construction and Architecture. 2026; 28(3): 57–72. <https://doi.org/10.31675/1607-1859-2026-28-3-57-72>. EDN: CBPVVO

Введение

Актуальность исследования систем расселения в исторической ретроспективе обусловлена необходимостью понимания долгосрочных закономерностей освоения пространства для решения современных задач регионального развития и градостроительного планирования. Обь-Иртышский бассейн, являясь ключевым звеном Обь-Енисейского водного пути, представляет собой уникальную территорию для изучения эволюции поселенческой сети в условиях активного взаимодействия русских первопоселенцев и коренных народов Сибири на протяжении нескольких столетий [14–18].

Обзор литературы показал, что, несмотря на значительное количество работ, посвященных отдельным источникам [1–3], комплексный сравнительный

анализ данных картографии, полевых описаний и кадастровых материалов применительно к динамике расселения вдоль водных магистралей региона до сих пор не проводился.

Постановка проблемы заключается в необходимости преодоления фрагментарности историко-градостроительных знаний и создания целостной картины развития поселенческой сети.

Целью настоящего исследования является реконструкция и анализ эволюции системы расселения в Обь-Иртышском бассейне вдоль Обь-Енисейского водного пути от Тюмени до Нарыма с конца XVII по начало XX в. на основе компаративного анализа разнородных исторических источников.

Материалы и методы

Методология исследования базируется на комплексном подходе, включающем компаративный анализ, историко-градостроительный метод и современные геоинформационные технологии. В качестве основных источников были использованы четыре группы материалов.

Первую группу составляют картографические произведения Семёна Ульяновича Ремезова, в первую очередь его «Хорографическая чертежная книга»¹ (1697–1711), содержащая наиболее детальные и первичные сведения о гидрографии и расселении на конец XVII в. [1]. Вторым ключевым источником являются путевые описания Герхарда Фридриха Миллера, руководителя академического отряда Второй Камчатской экспедиции (1733–1743). Его записки, систематизированные А.Х. Элертом [4], содержат уникальные статистические и этнографические данные, включая сведения о численности дворов и юрт в каждом поселении и их сословном составе на середину XVIII в. Третью группу образуют материалы Генерального и Специального межевания (к. XVIII – н. XIX в.), которые впервые обеспечили юридически закреплённую и точную инструментальную фиксацию границ землевладений и населённых пунктов. Четвертая группа включает карты, составленные губернскими чертежными и Министерством путей сообщения в рамках подготовки «Материалов для описания русских рек» (к. XIX – н. XX в.), отличающиеся высокой точностью и детализацией речной инфраструктуры и прибрежных поселений.

Основным методом работы стала геоинформационная привязка всех картографических материалов к современной топографической основе в ГИС-среде. Это позволило скорректировать искажения, вызванные разномасштабностью и условностью старинных чертежей, и локализовать исторические населённые пункты с высокой степенью достоверности.

Для путевых описаний Г.Ф. Миллера применялся метод ретроспективного картографирования на основе маршрутных данных и упоминаемых расстояний.

Анализ проводился по трем параметрам: общее количество поселений, их типологическая структура и этническая принадлежность. В работе учитывались методологические подходы к изучению ремезовских атласов, разработанные

¹ Ремезов Семён Ульянович, 1642 – ок. 1720. Хорографическая книга [картографический альбом Сибири]. Рукопись на русском языке 72 (6). Библиотека Хоутона, Гарвардский университет, Кембридж, Массачусетс. URL: <https://nrs.lib.harvard.edu/urn-3:fhcl.hough:4435676>

ные Л.А. Гольденбергом [1] и Б.П. Полевым [2], а также выводы А.Х. Эл-лerta [4] об особенностях полевых материалов академической экспедиции.

Результаты

В результате геоинформационной привязки и анализа источников были реконструированы четыре хронологических среза системы расселения в Обь-Иртышском бассейне (от Тюмени до Нарыма).

Данные С.У. Ремезова (к. XVII – н. XVIII в.) [5]. Согласно реконструкции по «Хорографической чертежной книге» (рис. 1), общее количество населенных пунктов составило 561. Типология поселений отражала начальный этап освоения (заселение) и включала 8 видов русских поселений и 4 вида поселений коренных народов. Количественные данные представлены в табл. 1. Абсолютное большинство составляли русские деревни (53,8 % от общего числа) и юрты коренных жителей (31,7 %). Административные, хозяйственные и культурные объекты (города, погосты, ямы, мельницы) выполняли роль «опорных точек» каркаса расселения.

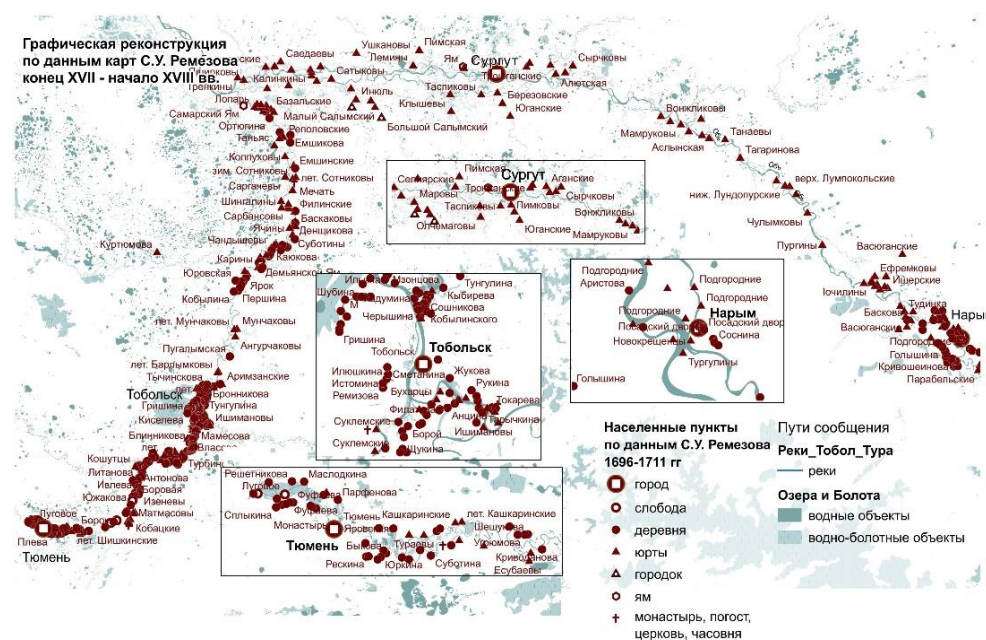

Рис. 1. Графическая реконструкция сети поселений в Обь-Иртышском бассейне водного пути по данным карт С.У. Ремезова (к. XVII – н. XVIII в.)

Fig. 1. Reconstruction of settlements in the Ob-Irtysh waterway basin based on maps by S.U. Remezov (late 17th and early 18th centuries)

Графический анализ реконструкции, выполненной на основе «Хорографической чертежной книги», выявляет исходное состояние поселенческой сети как пространственно распределенное. Визуализация подтверждает количественные данные о доминировании мелких деревень и юрт (85,5 % от общего числа), которые формируют два основных типа ареалов: южный (Тюмень-То-

больский) с высокой плотностью и чересполосным расположением русских и родоплеменных поселений и северный с преобладанием сезонных промысловых юрт. Города на этом этапе выступают изолированными «точками» административно-фискального присутствия, вокруг которых еще не сформированы устойчивые экономические связи и зоны производственного притяжения, что характеризует систему как **дисперсную (рассредоточенную) сеть первичного заселения с зарождающимися очагами сельскохозяйственных кластеров**, привязанную к реке как к единственному транспортному каркасу.

Таблица 1

**Типология и количество поселений Обь-Иртышского бассейна
(по данным «Хорографической чертежной книги» С.У. Ремезова)**

Table 1

**Typology and number of settlements in the Ob-Irtysh Basin
(according to "Chorographic Atlas" by Remezov)**

№ п/п	Тип поселения	Количество	% от общего числа
Русские поселения		363	64,7
1	Город	4	0,7
2	Монастырь	1	0,2
3	Погост	9	1,6
4	Часовня	1	0,2
5	Слобода	7	1,2
6	Деревня	302	53,8
7	Ям	3	0,5
8	Мельница	36	6,4
Поселения коренных народов		198	35,3
9	Юрты летние	16	2,9
10	Юрты (включая зимние)	178	31,7
11	Городок князца	3	0,5
12	Мечеть	1	0,2
Итого		561	100

Данные Г.Ф. Миллера (сер. XVIII в.) [6]. Полевые материалы Г.Ф. Миллера фиксируют иную картину: общее число учтенных объектов снизилось до 384 (табл. 2). Это объясняется исключением сезонных и малонаселенных поселений в зонах с неустойчивым ландшафтом прибрежной полосы, эпидемий и миграции коренного населения. Ключевым результатом этого этапа является не столько сокращение сети, сколько ее качественная перестройка: данные о численности дворов в населенных пунктах и сословном составе (3213 дворов в русских поселениях и 1043 в коренных) впервые позволяют утверждать об «объеме» системы. Пропорциональная доля коренных поселений выросла до 44,5 %, при этом зафиксирована консолидация населения в крупных пунктах: среднее число дворов в ямах составило 159, что в 24 раза больше, чем в средней по численности деревне (6,5 двора).

Таблица 2

**Типология и структура поселений Обь-Иртышского бассейна
(по данным путевых описаний Г.Ф. Миллера)**

Table 2

**Typology and structure of settlements in the Ob-Irtysh Basin
(according to Miller's travel accounts)**

№ п/п	Тип поселения	Количество	% от общего числа	Число дворов
Русские поселения		213	55,5	3213
1	Город	4	1,0	1130
2	Погост	11	2,9	84
3	Село / Слобода	13	3,4	346
4	Деревня	180	46,9	1175
5	Ям	3	0,8	478
6	Завод	2	0,5	–
7	Мельница / Заимка	38	9,9	6
Поселения коренных народов		171	44,5	1043
8	Юрты (летние/зимние)	164	34,9	1043
9	Мечеть	7	1,8	–
Итого		384	100	4262

Пространственный анализ данных Г.Ф. Миллера демонстрирует начало перехода от пространственно-распределенной к линейно-узловой структуре. Визуальное «разрежение» сети, фиксирующее сокращение числа мелких и сезонных объектов, сопровождается появлением первых устойчивых центров тяготения – сел, ямов, погостов. Картографически подтверждается функциональная дифференциация пространства: в зоне влияния Тобольска русские деревни образуют относительно плотный узел, тогда как Сургут и Нарым сохраняют статус административно-фискальных центров в структуре пространственно-распределенной сети поселений коренных жителей (рис. 2).

Данная конфигурация свидетельствует о начале структурного преобразования поселенческой сети при сохранении ее привязки к главным речным магистралям.

Данные Генерального межевания (к. XVIII – н. XIX в.) [7]. Материалы межевания фиксируют 522 населенных пункта (табл. 3). Типология обновлена в соответствии с государственной учетной политикой: исчезли ямы и погосты как отдельные категории, появились выселки, однодворки и город-завод. Главный итог этапа – структурирование и развитие системы средних и малых населенных пунктов (при этом города уплотняются, растут в численности населения), установление связи между селом и деревней. Число сел, выполнявших функции административных, экономических и духовных центров (т. е. частично принявших функции города), выросло до 30 (в 4,3 раза по сравнению с началом XVIII в.), а соотношение «село:деревня» достигло 1:9.

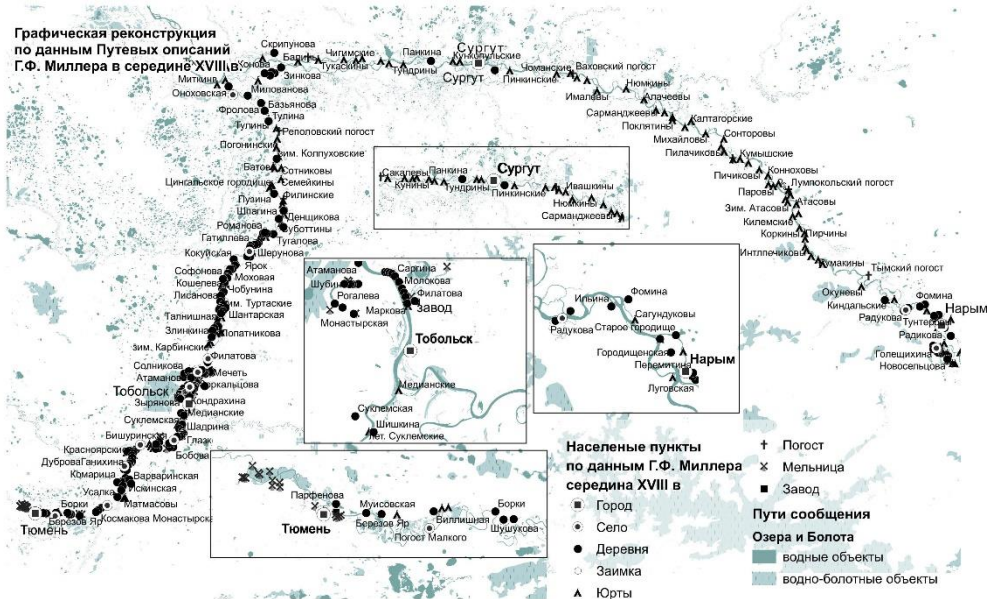

Рис. 2. Графическая реконструкция системы расселения в Обь-Иртышском бассейне по данным путевых описаний Г.Ф. Миллера (середина XVIII в.)

Fig. 2. Reconstruction of settlements in the Ob-Irtysh Basin based on the travel accounts of G.F. Miller (mid-18th century)

Таблица 3

Типология и структура поселений Обь-Иртышского бассейна (по данным Генерального межевания)

Table 3

Typology and structure of settlements in the Ob-Irtysh Basin (based on data from the ordnance survey)

№ п/п	Тип поселения	Количество	% от общего числа
Русские поселения		326	62,5
1	Город	4	0,8
2	Город-завод	1	0,2
3	Село	30	5,7
4	Выселки / Заимка / Однодворка	11	2,1
5	Деревня	276	52,9
6	Мельница	4	0,8
Поселения коренных народов		196	37,5
7	Юрты	196	37,5
Итого		522	100

Материалы Генерального межевания, визуализированные на данной реконструкции (рис. 3), впервые отражают по-новому сформированную иерархическую структуру расселения, юридически закрепленную государственным учетом. Картографическое изображение фиксирует четкое трехзвенное соподчинение

ние: вокруг городов (Тюмень, Тобольск) образуются плотные пояса сельской периферии, которые, в свою очередь, структурированы сетью сел, выступающих местными центрами для групп деревень. Графически это выражается в формировании зон устойчивого тяготения («кустов расселения»), что подтверждает переход от свободно распределенной сети к территориально организованной системе.

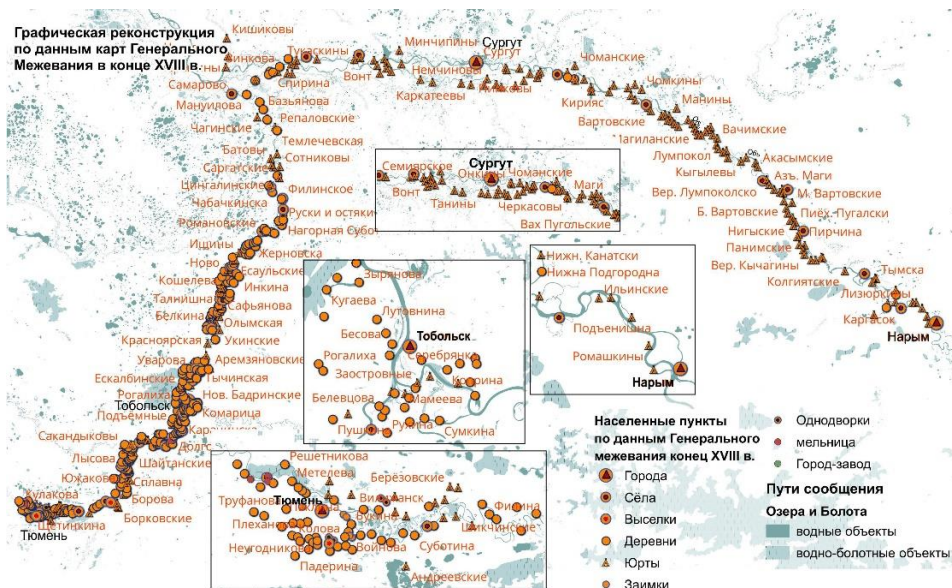

Рис. 3. Графическая реконструкция системы расселения в Обь-Иртышском бассейне по данным Генерального межевания (к. XVIII – н. XIX в.)

Fig. 3. Reconstruction of settlements in the Ob-Irtysh Basin based on data from the ordnance survey (18–19th centuries)

Данные карт XIX – н. XX в. [8–13]. К концу XIX в. система приобрела завершённый, зрелый облик (табл. 4). Общее число поселений стабилизировалось на отметке 332. Произошла окончательная унификация типологии: временные формы (однодворки, займки) исчезли. Иерархия достигла максимальной выраженности: число сел возросло до 44, а соотношение «село:деревня» составило 1:3,6. Коренное население (117 юрт) сохранило этническую обособленность, но сместилось от основной магистрали на северные притоки водного транзитного пути.

Графический анализ карт Министерства путей сообщения, отображенный в виде реконструкции сети поселений на рис. 4, фиксирует завершающую стадию формирования системы расселения – переход к линейно-узловому каркасу, полностью подчиненному логике главной воднотранспортной артерии. Визуализация демонстрирует окончательную консолидацию населения на устойчивых формах рельефа: абсолютное большинство русских поселений вытянуто вдоль береговой линии Оби, Тобола, Туры и Иртыша, формируя характерную «приречную гребенку». Зоны влияния городов, таких как Тобольск и Нарым, четко очерчены и функционально дифференцированы; при этом коренные жители, согласно картографическим данным, пространственно переместились от основной магистрали на периферийные притоки крупных рек. Такая

конфигурация является визуальным подтверждением достижения системой состояния, при котором градостроительная иерархия (от города к селу, от села к деревням) и транспортная эффективность достигают максимального для данного исторического периода выражения, а сама система приобретает свойства устойчивости и функциональной завершенности.

Таблица 4

Типология и структура поселений Обь-Иртышского бассейна
(по данным карт Министерства путей сообщения, к. XIX – н. XX в.)

Table 4

Typology and structure of settlements in the Ob-Irtysh Basin
(based on maps from the Ministry of Transport, 19–20th centuries)

№ п/п	Тип поселения	Количество	% от общего числа
Русские поселения		215	64,8
1	Город	4	1,2
2	Город-завод	2	0,6
3	Село	44	13,3
4	Выселок	1	0,3
5	Деревня	160	48,2
6	Мельница	4	1,2
Поселения коренных народов		117	35,2
7	Юрты	117	35,2
Итого		332	100

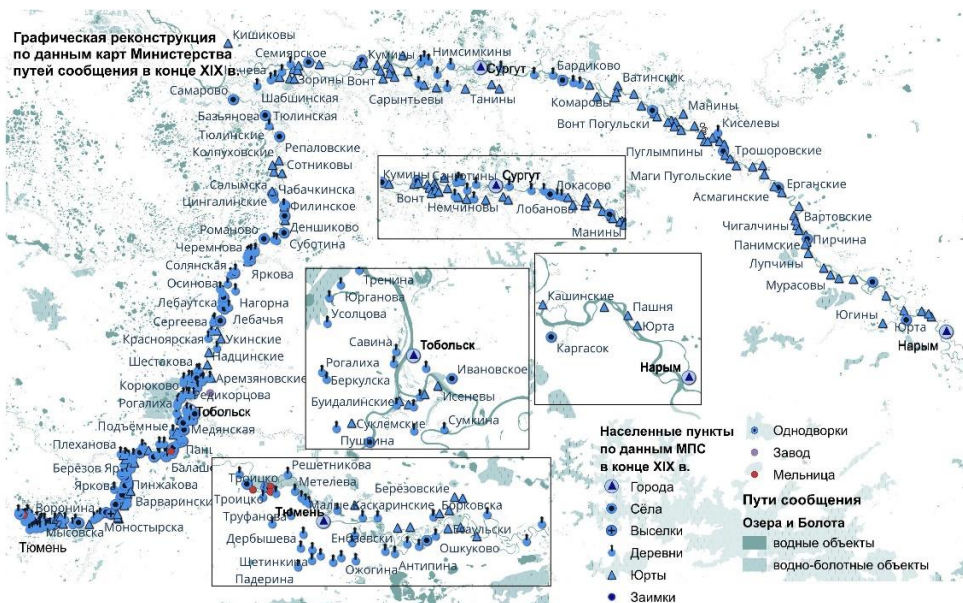

Рис. 4. Графическая реконструкция системы расселения в Обь-Иртышском бассейне по данным карт Министерства путей сообщения (к. XIX – н. XX в.)

Fig. 4. Reconstruction of settlements in the Ob-Irtysh Basin based on maps from the Ministry of Transport (19–20th centuries)

Обсуждение

Полученные эмпирические данные могут быть осмыслены в рамках различных теоретических парадигм, каждая из которых предлагает собственную логику объяснения причин и особенностей, почему система расселения сложилась именно таким образом и была ли она «достаточной» для решения стоявших перед ней задач.

Западная (функционально-иерархическая) парадигма. С точки зрения классических западных теорий расселения (модели центральных мест В. Кристаллера², теория полюсов роста Ф. Перру³) наблюдаемая картина предстает как процесс постепенного выстраивания недостающих звеньев иерархии. Исходная структура начала XVIII в. с 4 городами и более чем 300 деревнями, но крайне слабым средним звеном оценивается как архаичная и неустойчивая.

Эволюция, зафиксированная в данных настоящего исследования, интерпретируется как движение к «нормальному» состоянию: рост числа сел (с 7 до 44) и ямов, усложнение их функций, появление специализированных промышленных узлов (город-завод). С этой точки зрения система на протяжении всего периода объективно нуждалась в большем количестве городских центров, но в силу специфики региона (низкая плотность населения, экстенсивное хозяйство) эти функции были вынужденно делегированы «заменителям» – крупным селам и специализированным поселениям. Недостаток городов компенсировался усложнением сети негородских узлов.

Отечественная градостроительная и экономико-географическая парадигма. Отечественная советская школа, представленная трудами Н.Н. Баранского, О.А. Константинова, В.В. Покшишевского и позднее – теоретиков Единой системы расселения (Б.С. Хорев⁴, Г.М. Лаппо⁵), предлагает принципиально иной подход. Для российской парадигмы характерно понимание расселения

² Вальтер Кристаллер (1893–1969) – немецкий географ, автор теории центральных мест (1933 г.). Сформулировал модель идеального размещения городов, согласно которой поселения образуют иерархическую систему шестиугольных зон («кристаллеровская решетка»). Основная идея заключается в том, что «центральные места» (города) распределяются по территории равномерно для обеспечения окружающих районов товарами и услугами. Его работа заложила математический фундамент современной географии сферы услуг и районной планировки.

³ Франсуа Перру (1903–1987) – французский экономист, разработчик концепции «полюсов роста» (1955 г.). Утверждал, что экономическое развитие происходит неравномерно и концентрируется в определенных точках – «полюсах» (обычно это крупные динамичные предприятия или отрасли-лидеры). Эти центры создают импульсы роста, которые через систему связей распространяются на периферию. Теория Перру стала базой для государственной политики регионального развития во многих странах мира.

⁴ Борис Сергеевич Хорев (1932–2003) – экономико-географ, один из главных создателей концепции Единой системы расселения (ЕСР) в СССР. В своем ключевом труде «Проблемы городов» (1971 г.) обосновал идею перехода от управления отдельными городами к управлению взаимосвязанными сетями поселений. Рассматривал ЕСР как инструмент социального планирования, направленный на преодоление различий между городом и деревней, а также на рациональное распределение производственных сил по всей территории страны.

⁵ Георгий Михайлович Лаппо (1923–2020) – географ-урбанист, крупнейший теоретик в области изучения городских агломераций. В работах «География городов» и «Развитие городских агломераций в СССР» (1978 г.) развил идеи опорного каркаса расселения – совокупности крупнейших городов и магистралей, формирующих «скелет» страны. Акцентировал внимание на динамике развития крупных городских центров как узлов инноваций и социальной активности, определяющих пространственную структуру экономики.

не как статичной иерархии, а как динамичного каркаса, обеспечивающего решение хозяйственных задач на огромных территориях.

Ключевым для интерпретации представленных данных становится понятие «опорный каркас расселения», разработанное Г.М. Лаппо. С этой точки зрения 4 города на исследуемом участке – это не допустимый «минимум», а ядро будущего каркаса, вокруг которого впоследствии сформируется вся система. Тюмень, Тобольск, Сургут и Нарым выступали не просто как административные центры, а как узлы, обеспечивавшие связанность территории. Функция остальных элементов системы (ямов, слобод, сел) – быть «транспортно-распределительными пунктами», связывающими основную магистраль с зонами хозяйственного освоения.

Отечественная школа также ввела понятие «территориально-производственный комплекс» (ТПК). Хотя в XVIII–XIX вв. о ТПК в полном смысле говорить рано, можно выделить его предпосылки. Появление городов-заводов (один – в к. XVIII в., два – в к. XIX в.) исследователи трактовали бы как формирование «промышленных узлов», вокруг которых начинает складываться специализированная система расселения, отличная от аграрной. Тот факт, что эти заводы возникли вне традиционных городов, подтверждает тезис о дискретности индустриального освоения Сибири.

Особенно ценной для анализа выявленных данных является концепция Единой системы расселения (ЕСР), разработанной в 1970–80-е гг. Ее сторонники доказывали, что зрелая система расселения должна обладать тремя уровнями: центр региона (Тобольск), субрегиональные центры (крупные села, ямы) и локальные пункты (деревни, юрты). Полученные данные подтверждают, что к концу XIX в. такая трехзвенная структура (город – село – деревня/юрты) уже полностью сложилась. Соотношение 1:3,6 между количеством деревень и сел – это, по сути, эмпирическое подтверждение оптимальной с точки зрения советской теории плотности местных центров тяготения.

Русская парадигма также позволяет по-новому взглянуть на проблему «достаточности» городов. Вместо вопроса «много или мало» она ставит вопрос о «соподчиненности» и «взаимодополняемости» элементов системы. Города здесь – не самостоятельные единицы, а вершина функциональной пирамиды. Если низовые звенья (села) развиты настолько, что берут на себя функции повседневного обслуживания и управления, то количество городов может быть минимальным, но при этом система будет работать эффективно. Сибирский материал показывает именно такой вариант: «разреженная» городская сеть при развитой сети сельских центров.

Отечественная (историко-географическая и евразийская) парадигма. Традиция отечественной исторической географии, особенно в ее «евразийском» варианте (В.П. Семенов-Тянь-Шанский⁶, П.Н. Савицкий⁷), предлагает

⁶ Вениамин Петрович Семёнов-Тянь-Шанский (1870–1942) – выдающийся русский географ и статистик, автор концепции антропогеографии. В своем фундаментальном труде «Район и страна» (1928 г.) обосновал теорию географических центров и «позиционных» преимуществ территорий. Сформулировал идею о необходимости освоения «внутренних колоний» России и развития «культурного ландшафта». Его идеи о географической целостности России и типах государственного устройства (морских и континентальных) оказали значительное влияние на формирование пространственного подхода в отечественной науке.

⁷ Петр Николаевич Савицкий (1895–1968) – экономист, географ, один из главных идеологов и основателей движения евразийства. Разработал междисциплинарную концепцию месторазвития (соци-

рассматривать систему расселения не как проекцию универсальной иерархической модели, а как продукт взаимодействия «стихий» и «государственного задания». В этой логике 4 города – это не «минимально необходимый набор», а оптимальный результат государственной стратегии.

Задача империи заключалась не в том, чтобы покрыть Сибирь сетью городов по европейскому образцу, а в том, чтобы создать каркас, обеспечивавший суверенитет, сбор ясака и транзит грузов. Города в этой модели – это «узлы опорного каркаса», а все остальное пространство осваивается крестьянским населением в соответствии с условиями ландшафта, которое и порождает деревни, а затем и села как естественные центры тяготения.

Увеличение числа сел к XIX в. – это не «компенсация нехватки городов», а естественный результат вызревания внутренних общественных связей в крестьянском мире. Система была самодостаточна и органична именно в своих сибирских параметрах. Здесь мы видим пересечение с градостроительной школой, но с иным акцентом: если для архитекторов-градостроителей важна закономерность формирования каркаса, то для евразийцев – его органичность и укорененность в ландшафте.

Восточная (цивилизационно-ландшафтная) парадигма. Альтернативный взгляд, опирающийся на идеи Л.И. Мечникова⁸ о речных цивилизациях и реконструируемые принципы восточной (китайской, японской) географической мысли, ставит в центр анализа не город и не иерархию, а реку как главное связующее звено. В этой перспективе 4 города на 1665 км – это количество, продиктованное не потребностями администрации или рынка, а самой природой речного пути. Города здесь – не более чем «причалы» и «склады» на «Великой Реке», служащие для обслуживания ее потока. Редкость городов – это не недостаток, а проявление принципа «пространственности», необходимой для сохранения баланса между человеком и природой, для существования культурных пространств и охотничьих угодий коренных народов. Иерархия «город – село – деревня» уступает место иной структуре: «река (ось мира) – притоки (зона традиции) – суша (зона автономии)». Миграция юрт от основной магистрали на притоки, зафиксированная в XIX в., в этой парадигме предстает не как вытеснение, а как осознанный уход коренного населения из зоны «административного принуждения» в зону сохранения родовой солидарности.

Сибирская (региональная) парадигма: взгляд «изнутри» и эффект разрыва. Рассмотренные выше теоретические модели (западная, отечественная, евразийская) описывают систему расселения преимущественно с позиций государства или универсальной экономической логики. Однако взгляд «изнутри» – с позиции жителя сибирского села или этнического стойбища – выяв-

ально-политического единства народа и его географической среды). В работах «Географические особенности России» (1927 г.) и «Россия – особый географический мир» обосновал тезис о срединном положении России-Евразии как самодостаточного географического и культурного материка, отличного от Европы и Азии. Ввел понятие идеократии как основы евразийской государственности.

⁸ Лев Ильич Мечников (1838–1888) – выдающийся русский географ, социолог, публицист и общественный деятель. Он был старшим братом лауреата Нобелевской премии Ильи Ильича Мечникова. Главный научный труд Льва Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки» (1889 г.) принес ему мировую известность. В этой работе он предложил уникальную концепцию развития человечества, основанную на географическом факторе.

ляет существенную корректировку этой картины. Эмпирические данные, особенно на срезках XIX–XX вв., фиксируют не только формирование иерархии, но и парадоксальный эффект, который можно назвать «изолированной очаговой кластеризацией».

С позиции государственного каркаса система выглядит как стройный линейно-узловой механизм. Однако с позиции человеческого существования на огромных сибирских просторах эта же система воспринимается как совокупность дисперсных, слабо связанных между собой очагов. Если на европейском участке России сеть сел и деревень образует относительно непрерывное поле взаимодействия, то в Западной Сибири расстояние между этими очаговыми кластерами становится не просто географическим, а социально-экономическим разрывом.

Формально подчиняясь логике главной водной магистрали, реальные горизонтальные связи между соседними «кустами расселения» (например, между двумя группами деревень, тяготеющих к разным селам) оставались крайне слабыми или отсутствовали совсем. Система, будучи линейно связанной вдоль реки (вертикаль власти и товарообмен), оставалась разорванной в поперечном направлении и на больших меридиональных расстояниях.

Таким образом, к концу XIX в. в Сибири сосуществовали две реальности: транспортно-административный каркас империи, стремившийся к эффективной линейной узловой структуре, и архаичная компактность повседневной жизни, где расстояния по-прежнему «работали» как изолятор, что парадоксальным образом сближает финальный этап освоения с его начальным состоянием заселения, но на новом, более крупном масштабном уровне.

Заключение

Проведенное исследование, основанное на компаративном анализе и геоинформационной привязке четырех групп исторических источников (карт С.У. Ремезова, описаний Г.Ф. Миллера, материалов Генерального межевания и карт Министерства путей сообщения), позволило реконструировать эволюцию системы расселения в Обь-Иртышском бассейне на протяжении более чем двух столетий – с конца XVII по начало XX в.

Динамика поселенческой сети на значительном участке водного пути от Тюмени до Нарыма продемонстрировала не линейный рост или упадок, а сложную структурную перестройку. Количественные данные зафиксировали сокращение общего числа учитываемых объектов с 561 (по «Хорографической книге» С.У. Ремезова) до 332 (по картам Министерства путей сообщения). Однако, как показал графический анализ, это сокращение отражает не столько депопуляцию территории, сколько качественную трансформацию: отсев сезонных и малонаселенных поселений, «фильтрацию» сети через ландшафтно-климатические и социальные процессы (подвижность русел рек на территории Западной Сибири, эпидемии, административная реформа Екатерины II) и в конечном итоге формирование устойчивой иерархической структуры.

Наиболее значимыми результатами эволюции стали следующие положения.

1. Соотношение «село:деревня» изменилось с 1:43 в начале XVIII в. до 1:9 к концу XVIII в. и 1:3,6 к XIX в. Это свидетельствует о формировании двухуровневой системы, где село стало полноценным местным центром админи-

стративного, духовного и хозяйственного тяготения. При этом сам процесс структурирования занял около ста лет – от первых признаков дифференциации в середине XVIII в. (данные Г.Ф. Миллера) до юридического закрепления иерархии в материалах Генерального межевания.

2. Устойчивость этнического баланса. На всех хронологических срезах доля русских поселений колебалась в пределах 55–65 %, а доля поселений коренных народов – в пределах 35–45 %. Эта устойчивая пропорция указывает на формирование модели «соседствования», при которой русская форма хозяйствования и традиционное природопользование коренных этносов не исключали, а дополняли друг друга в рамках единой транспортной системы. Следует особо подчеркнуть, что абсолютное число юрт сократилось с 198 (по данным С.У. Ремезова) до 117 (к концу XIX в.), однако их относительная доля в общей структуре оставалась стабильной благодаря параллельному сокращению числа малых русских поселений.

3. Устойчивость опорного каркаса. Четыре города (Тюмень, Тобольск, Сургут, Нарым) стабильно фиксируются на всех этапах исследования. При этом функциональная нагрузка на них не возрастала пропорционально росту территории, а дополнялась развитием сети негородских центров (ямов, погостов, слобод, сел), которые брали на себя значительную часть административных и логистических функций. Именно этот феномен – делегирование городских функций селам – является одной из ключевых особенностей сибирской модели расселения, отличающей ее от европейской.

К концу XIX в. произошла окончательная унификация типологии поселений: исчезли временные и переходные формы (однодворки, заимки, мельницы как самостоятельные единицы), а типологический ряд сократился с 12–13 функциональных видов в XVII в. до 6–7 нормированных категорий к концу XIX в. (город, город-завод, село, деревня, выселок, юрты, мельница в составе селений). Этот процесс отражал переход от «живой», адаптивной типологии, отражавшей реальное многообразие хозяйственных функций, к унифицированной административной системе учета, ориентированной на численность населения и юридический статус.

Таким образом, за два столетия система расселения в Обь-Иртышском бассейне прошла путь от первичного, «точечного» освоения, зафиксированного в дробных данных С.У. Ремезова (где преобладали мелкие деревни и сезонные юрты, а города выступали изолированными точками административного присутствия), к созданию устойчивой, иерархически организованной структуры, юридически оформленной в ходе Генерального межевания и привязанной к водно-транспортной инфраструктуре к концу XIX в. Полученные результаты могут быть использованы при разработке историко-градостроительных обоснований для территориального планирования в регионе, а также для дальнейших исследований по сравнительной типологии систем расселения в различных ландшафтно-климатических условиях Сибири.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гольденберг, Л.А. Семён Ульянович Ремезов – сибирский картограф и географ. 1642 – после 1720 гг. Москва : Наука, 1965. 262 с.

2. Полевой, Б.П. Сибирская картография XVII в. и Семен Ремезов // Материалы по истории картографии. Москва, 1964. С. 213–231.
3. Дергачева-Скоп, Е.И., Алексеев, В.Н. Служебная чертежная книга Семена Ремезова: История публикации и изучения // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2006. Т. 5. № 1. С. 15–24. EDN: HZCEZD
4. Элерт, А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск : Наука, 1990. 247 с. EDN: UAENXF
5. Ремезов, Семен Ульянович (1642 – после 1720). Хорографическая чертежная книга Сибири С.У. Ремезова (1697–1711) / Фонд «Возрождение Тобольска». Тобольск : Фонд «Возрождение Тобольска». 341 [1] с. ISBN 5-86712-025-2.
6. Миллер, Герард Фридрих (1705–1783). Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера = Siberia of 18th century in travel notes by G.F. Miuller, Siberia of 18th century in travel notes by G.F. Miuller : пер. с нем. / изд. подгот. А.Х. Элерт ; отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск : Науч.-изд. центр «Сиб. Хронограф», 1996. 310 с. (История Сибири. Первоисточники, Библиотечная серия). ISBN 5-87550-027-1.
7. Генеральная карта Тобольского наместничества, разделенная на 16 уездов. [1780-е гг.] // РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 1356 (Губернские, уездные и городские атласы). Оп. 1. Д. 3112. 1 л.
8. Лоцманская карта р. Оби на 1929 г. // ГАТО. Ф. Р-57. Оп. 1. Д. 153.
9. Журналы работ по исследованию рек Туры и Тобола // РГИА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 9.
10. Судходная карта реки Иртыш от гор. Тобольска до устья // РГИА. Ф. 1487. Оп. 52. Д. 63.
11. Судходные реки Обь и Томь // РГИА. Ф. 1487. Оп. 28. Д. 2.
12. План р. Туры с показанием проекта канала // РГИА. Ф. 1487. Оп. 28. Д. 12.
13. Карта р. Обь от г. Ново-Николаевска до Юрт Тягловых // РГИА. Ф. 1487. Оп. 52. Д. 72.
14. Литвинова, О.Г. Ретроспектива формирования Обь-Енисейского водного пути // Возможности развития краеведения и туризма Сибирского региона и сопредельных территорий : сборник материалов XVIII Международной научно-практической конференции, посвященной 415-летию города Томска, Томск, 31 октября 2019 г. Томск : [б.и.], 2019. С. 105–112. EDN: USJZQD
15. Литвинова, О.Г. Формирование антропогенного ландшафта в прибрежной зоне Обь-Енисейского водного пути XVIII–XIX вв. (Обской бассейн) // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2019. Т. 21. № 5. С. 53–61. DOI: 10.31675/1607-1859-2019-21-5-53-61. EDN: AOUCZT
16. Литвинова, О.Г. Обь-Енисейский канал: инженерно-технологический аспект. Томск : Томский государственный архитектурно-строительный университет, 2018. 188 с. ISBN 978-5-93057-833-1. EDN: XSNLCX
17. Литвинова, О.Г. Система русских поселений в прибрежной полосе р. Селенги в XVII–XIX вв. // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2020. Т. 22. № 6. С. 9–29. DOI: 10.31675/1607-1859-2020-22-6-9-29. EDN: WAUKMY
18. Литвинова, О.Г. Прибрежная система расселения реки Ангара в XVII–XXI вв. в контексте стратегического планирования // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2021. Т. 23. № 6. С. 98–116. DOI 10.31675/1607-1859-2021-23-6-98-116. EDN: QVLAHI

REFERENCES

1. Goldenberg, L.A. Semyon Ulyanovich Remezov: Siberian Cartographer and Geographer. 1642 – after 1720. Moscow: Nauka, 1965. 262 p. (In Russian)
2. Polevoy, B.P. Siberian cartography of the 17th century and Semyon Remezov. In: Materials on the History of Cartography. Moscow, 1964. Pp. 213–231. (In Russian)
3. Dergacheva-Skop, E.I., Alekseev, V.N. The Service Drawing Book of Semyon Remezov: History of Publication and Study. Vestnik NGU. Ser.: Istoriya, filologiya. 2006; 5(1): 15–24. EDN: HZCEZD (In Russian)
4. Elert, A.Kh. Expeditionary Materials of G.F. Miller as a Source on the History of Siberia. Novosibirsk: Nauka, 1990. 247 p. EDN: UAENXF (In Russian)

5. Remezov, S.U. The Chorographic Drawing Book of Siberia (1697–1711). Tobolsk: Fond "Vozrozhdenie Tobolska", 341 p. ISBN 5-86712-025-2. (In Russian)
6. Miller, G.F. Siberia of the 18th Century in Travel Notes by G.F. Miller. A.Kh. Elert Ed. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf, 1996. 310 p. ISBN 5-87550-027-1. (In Russian)
7. Russian State Archive. General Map of Tobolsk Viceroyalty, Divided into 16 Districts, 1780s. Form 1356. List 1. Record 3112. P. 1. (In Russian)
8. State Archive of Tomsk Region. Pilot Chart of the Ob River for 1929. Form R-57. List 1. Record 153. (In Russian)
9. Russian State Historical Archive. Journals of Work on the Survey of the Tura and Tobol Rivers. Form 192. List 1. Record 9. (In Russian)
10. Russian State Historical Archive. Navigable Map of the Irtysh River from Tobolsk to the Mouth. Form 1487. List 52. Record 63. (In Russian)
11. Russian State Historical Archive Navigable Rivers Ob and Tom. Form 1487. List 28. Record 2. (In Russian)
12. Russian State Historical Archive Plan of the Tura River Showing the Canal Project. Form 1487. List 28. Record 12. (In Russian)
13. Russian State Historical Archive Map of the Ob River from Novonikolaevsk to Tyaglovy Yurts. Form 1487. List 52. Record 72. (In Russian)
14. Litvinova, O.G. Retrospective of the Ob-Yenisei Waterway Formation. In: *Proc. Int. Sci. Conf. 'Development Prospects of Local History and Tourism in the Siberian Region and Adjacent Territories'*. Tomsk, 2019. Pp. 105–112. EDN: USJZQD (In Russian)
15. Litvinova, O.G. Anthropogenic Landscape in Ob-Yenisei Waterway in the 18–19th Centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta – Journal of Construction and Architecture*. 2019; 21(5): 53–61. DOI: 10.31675/1607-1859-2019-21-5-53-61. EDN: AOUCZT (In Russian)
16. Litvinova, O.G. Ob-Yenisei Canal: Engineering and Technological Aspect. Tomsk: TSUAB. 2018. 188 p. ISBN 978-5-93057-833-1. EDN: XSNLCX (In Russian)
17. Litvinova, O.G. Russian Settlements in the Coastal Area of the Selenga River in the 17–19th Centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta – Journal of Construction and Architecture*. 2020; 22(6): 9–29. DOI: 10.31675/1607-1859-2020-22-6-9-29. EDN: WAUKMY (In Russian)
18. Litvinova, O.G. Settlement System in the Angara Coastal Area in the 17th–21st Centuries in Terms of Strategic Planning. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta – Journal of Construction and Architecture*. 2021; 23(6): 98–116. DOI: 10.31675/1607-1859-2021-23-6-98-116. EDN: QVLAHI (In Russian)

Сведения об авторе

Литвинова Ольга Геннадьевна, канд. ист. наук, доцент, Томский государственный архитектурно-строительный университет, 634003, г. Томск, пл. Соляная, 2, litvinovaolga1982@gmail.com

Authors Details

Olga G. Litvinova, PhD, A/Professor, Tomsk State University of Architecture and Building, 2, Solyanaya Sq., 634003, Tomsk, Russia, litvinovaolga1982@gmail.com

Статья поступила в редакцию 20.03.2026
Одобрена после рецензирования 21.04.2026
Принята к публикации 23.04.2026

Submitted for publication 20.03.2026
Approved after review 21.04.2026
Accepted for publication 23.04.2026